

DOI 10.15407/sociology2020.03.051
УДК 316.334.2:316.42

ТАТЬЯНА ПЕТРУШИНА,

*доктор социологических наук, кандидат экономических наук, заведующая
отделом экономической социологии Института социологии НАН Украины
(01021, Киев, ул. Шелковичная, 12)*

TETIANA PETRUSHYNA,

*Doctor of Sciences in Sociology, Candidate of Sciences in Economics, Head of the
Department of Economic Sociology, Institute of Sociology, NAS of Ukraine (12,
Shovkovychna St., Kyiv, 01021)*

tanya.petrushina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3750-9604>

АНАТОЛИЙ АРСЕЕНКО,

*кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела эконо-
мической социологии Института социологии НАН Украины (01021, Киев,
ул. Шелковичная, 12)*

ANATOLII ARSEIENKO,

*Candidate of Sciences in History, Leading Research Fellow at the Department of
Economic Sociology, Institute of Sociology, NAS of Ukraine (12, Shovkovychna
St., Kyiv, 01021)*

anatoliy.arseenko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3137-6487>

Социологическое измерение экономической глобализации: мировые тренды и украинские реалии

Исходя из идеи известного французского социолога П. Бурдьё, что “правда” всегда выступает объектом борьбы и в социальном мире, и в социологическом, который стремится создать истинное научное представление о реальных социальных процессах и явлениях в глобальном мире для его изменения к лучшему, мы как специалисты в области экономической социологии считали своим долгом непредвзято и объективно проанализировать сегодняшнее состояние украинского общества в социально-экономической сфере ради поиска действенных путей разрешения его острейших проблем. Целью статьи является, во-первых, четкое освещение в разноголосом и мультипарадигмальном дискурсе по поводу глобализации ее социально-

Цитирование: Петрушина, Т., Арсеенко, А. (2020). Социологическое измерение экономической глобализации: мировые тренды и украинские реалии. Первая часть. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 3, 51–79.

экономической сущности, во-вторых, представление своего понимания социологического измерения экономической глобализации (ЭГ) и, в-третьих, детальный и конкретный анализ основных социальных изменений в Украине, произошедших в условиях ЭГ в течение последних 30 лет. В своем исследовании авторы исходили из нескольких принципиальных концептуальных идей: 1) осознание глобализации как сложного противоречивого интеграционного процесса, который имеет как объективное, так и субъективное измерение; 2) понимание современной глобализации как утверждения глобального капитализма прежде всего путем планетарной экспансии ТНК западных ведущих государств во главе со США; 3) признание положительных и негативных аспектов глобализации и различие стран как тех, что выигрывают, и тех, что проигрывают, в зависимости от их развития и места в системе международного разделения труда; 4) осознание преимущественно негативных влияний ЭГ на экономическую жизнь украинского общества в условиях нынешней модели хозяйствования.

Чтобы дать читателю максимально полное и целостное, а не фрагментарное представление о процессах, происходящих в современной Украине, и определить глобальный контекст социальных изменений в нашем обществе, авторы представляют результаты своего исследования в виде двух взаимосвязанных частей. В первой части, раскрывая теоретико-концептуальное социологическое измерение ЭГ, авторы анализируют ее социально-экономическую суть, объективно-субъективный характер, позитивные и негативные последствия и т. п. В рамках рассмотрения эмпирического социологического измерения — сосредотачиваются на возможностях социологии в плане измерения разнообразных проявлений как самого процесса ЭГ, так и его социальных последствий, в частности на основании восприятия гражданами характера и результатов ЭГ, использования разнообразных индексов ЭГ и т. п. Во второй части статьи авторы непосредственно раскрывают социальные изменения, произошедшие в украинском обществе в условиях ЭГ (в период капитализации национальной экономики). На основе изучения большого объема отечественной и зарубежной литературы и источников авторы впервые в украинской экономической социологии анализируют динамику основных макроэкономических и социологических показателей жизни украинского общества почти за 30 лет дрейфа на обочину глобального капиталистического мира.

Не претендуя на всеобъемлющее раскрытие затронутых сложных проблем, мы искренне стремились внести свой вклад в социологическое осмысление как ЭГ, так и социально-экономической жизни Украины после ее перехода на путь капиталистического развития.

Первая часть. Теоретическое и эмпирическое измерения экономической глобализации

Хронологически корни современной волны глобализации, начавшейся в конце XX века, уходят в далекое прошлое, на расстояние, которое исчисляется многими веками и даже тысячелетиями. Большинство социологов и экономистов все же ведут отсчет глобализации с периода становления капиталистического способа производства. Однако в глобалистике — новой междисциплинарной отрасли научных исследований, направленной на выявление

ние сути, причин, трендов, вызовов и последствий нынешних планетарных процессов, до сих пор нет однозначного ответа на вопрос: “Что такое глобализация?” Признание этого важного факта содержится на страницах книги немецкого социолога У. Бека с таким же названием [Бек, 2001: с. 40] и во многих других социологических работах по данной тематике. Так, автор монографии “Современная экономическая социология: Глобализация, производство, неравенство” Ф. Тонкисс пишет: “Глобализация является наиболее распространенным и наименее определенным концептом в современном социальном анализе” [Tonkiss, 2006: р. IX]. Поэтому углубление научного понимания сути глобализации вообще и ЭГ (как ее определяющей формы) в частности остается актуальной задачей современного обществоведения.

С этой целью нужно, прежде всего, дать определение, что такое социологическое измерение ЭГ. Последнее, по нашему мнению, предполагает два уровня — теоретический/концептуальный и эмпирический¹. Первый означает научное осмысление и понимание сути ЭГ как социального феномена, второй — измерение разнообразных проявлений как самого процесса ЭГ, так и его социальных последствий путем анализа соответствующей статистики, экспертных оценок, а также восприятия глобализационных процессов со стороны людей и их отношения к этим процессам, о чем социологи могут узнать благодаря своему особому инструментарию — социологическим опросам.

В таком понимании социологическое измерение близко к понятию социологического подхода, то есть научной рефлексии многогранной социальной реальности с позиций социологии, имеющей свой особый предмет и метод исследования, которые отличают социологические науки от других социальных наук, в частности экономических. Если социологический подход означает примат социальности, то есть фокусирование на социальном при исследовании любого явления или процесса, то специфика ЭГ как социального феномена современной экономической жизни требует его анализа прежде всего в рамках экономической социологии как фундаментальной отраслевой социологической науки. Поскольку экономико-социологический подход сохраняет характеристики общесоциологического подхода, можно четко дифференцировать экономический и (экономико-)социологический подходы к пониманию процессов и явлений в экономической сфере. В случае конкретно-экономического подхода анализируется движение материальных ресурсов, вещей, продуктов труда, людей, причем под углом зрения их общей формы, общих элементов производства, без акцента на их социально-экономической сути и социальных последствиях. В случае экономико-социологического подхода экономические явления и процессы рассматриваются во взаимосвязи с социальными субъектами, которые вступа-

¹ Мы трактуем понятие “измерение” не только в узком значении “того, что поддается измерению” либо как показатель чего-то [Сучасний тлумачний словник, 2009: с. 117], а в более полном его понимании, охватывающем несколько смысловых контекстов и соответствующем скорее английскому слову “dimension” или же русскому “измерение”. Толковый словарь английского языка трактует “dimension” в четырех значениях: 1) как особый аспект чего-то (политическое, экономическое измерение); 2) как протяженность и размер какой-либо ситуации или проблемы; 3) как измерение размера (длины, ширины, высоты) и пропорций определенного объекта; 4) для описания концептов в науке и математике [Collins Cobuild English Dictionary, 1997: р. 459–460].

ют в соответствующие социально-экономические отношения, а также с их социальными предпосылками и последствиями (что определяет близость экономической социологии и политической экономии — экономической теории, изучающей производственные отношения). Важной особенностью экономико-социологического подхода является и его системно-интегративный характер и активное применение социокультурного и институционального подходов для всестороннего, комплексного анализа исследуемых явлений. Поэтому социологическое измерение ЭГ предполагает анализ ее социально-экономической сути, транснационально-классового характера, содержательных аспектов и проявлений, а также социальных субъектов/агентов глобализационных процессов, социальных последствий, трендов и перспектив. Особенностью же анализа с позиций экономической социологии является ее междисциплинарный характер с соответствующей интеграцией экономических и социологических подходов, что значительно расширяет и обогащает возможности эмпирических измерений.

Теоретико-концептуальные измерения ЭГ

В современной социологической науке насчитывается около тысячи определений глобализации, которые в основном зависят от авторского мировоззрения и подхода к измерению соответствующих параметров. Например, в университетском учебнике “Глобальная социология” утверждается, что “глобализацию лучше всего понимать как ряд взаимно усиливающих друг друга трансформаций, которые происходят более или менее одновременно, и ни одна из них неизбежно не является более значимой, чем другие” [Cohen, 2000: p. 24]. С другой стороны, в монографии американского социолога Р. Шаффера “Понимание глобализации” отмечается: “Большинство аналитиков используют термин *глобализация* для описания роста и расширения инвестиций, торговли, производства, внедрения новых технологий, а также распространения демократии во всем мире” [Schaeffer, 2003: p. 1]. Перечень современных разночтений по этому вопросу можно продолжить. Но ни одно из имеющихся определений глобализации не вносит ничего принципиально нового по сравнению с тем, как она трактуется в “Манифесте Коммунистической партии”.

Характеризуя суть глобализации еще в середине XIX века, К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали: “Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи” [Маркс, 1955: с. 427]. И далее: “Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т.е. становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию” [там же, с. 428]. В этом коротком фрагменте из “Манифеста” были предельно четко предсказаны и ясно сформулированы причины, задачи, способы и последствия становления глобального капитализма. Не случайно британский социолог Э. Хобсбаум назвал его “классическим политическим текстом”, который “может многое рассказать о мире, стоящем на пороге XXI века” [Хобсбаум, 2013: с. 13]. В наше время глобализация в работах западных исследователей, как *неомарксистов*, так и *немарксистов*, все чаще отождествляется с империализмом. Например, американский исследователь

У. Нестер в книге “Глобализация, богатство и власть в XXI веке” подчеркивает: “Глобализация стала главным концептом для понимания жизни в двадцать первом столетии. Но то, что всем народам известно как глобализация, в действительности безусловно является самой последней стадией в развитии глобальной экономики, появившейся в результате западного империализма и меркантилизма более пяти веков назад” [Nester, 2010: p. 243].

Отмечая колоссальный научный вклад Маркса и Энгельса в современную глобалистику, российские социологи В.И. Добреньков и А.Б. Рахманов сделали правильный и весьма смелый вывод: “Глобализация как специфический предмет исследования еще раз показывает эвристическую мощь марксизма. Только опираясь на марксизм, мы можем понять глобализацию вполне глубоко и всесторонне. При этом, разумеется, необходимо учитывать достижения и наиболее интересных немарксистских направлений мировой социологической мысли” [Добреньков, 2014: с. 11]. По мнению этих авторов, суть глобализации “в самом кратком определении заключается в том, что это объективный, естественноисторический процесс становления единого человечества, объединения человеческого общества во всемирном масштабе, интеграции стран и народов в единое общепланетарное целое” [Добреньков, 2014: с. 7].

Глобализация является как объективным, так и субъективным процессом. На это обращают особое внимание ученые-альтерглобалисты, которые выступают в отличие от антиглобалистов не против глобализации вообще, а за альтернативную глобализацию, которая отвечает интересам всех людей, а не верхушкам иерархий. В докладе Международного форума по вопросам глобализации под названием “Альтернативы экономической глобализации. (Лучший мир возможен)” отмечается: “Современная глобализация не является выражением эволюции. Она спроектирована и создана людьми с определенной целью: обеспечить превосходство экономических, то есть корпоративных, ценностей над всеми иными ценностями и агрессивно инсталлировать и кодифицировать эти ценности в мировом масштабе” [Cavanagh, 2004: p. 33]. По их мнению, место и время рождения современной глобализации связаны с г. Бреттон-Вудс, штат Нью-Гемпшир (США), где в июле 1944 года было принято решение об учреждении Всемирного банка (ВБ) и Международного валютного фонда (МВФ) и положено начало долларизации капиталистического мира.

После войны глобализация по-американски стала важной составляющей стремления США к установлению “американского мира” (“Pax Americana”). Главным барьером на пути к достижению этой цели были страны социализма во главе с СССР. Глобализация по-американски могла утвердиться в форме “агрессивной, империалистической капитализации всего мирового сообщества” [Владимиров, 2010: с. 34] только в результате разрушения мировой социалистической системы. В годы холодной войны на “подрыв социализма изнутри” американским империализмом были брошены миллиарды долларов, что способствовало устранению альтернативной модели социалистической глобализации с политической карты мира. Это превратило США в единственную сверхдержаву и привело к засилью глобализации по-американски, расширению социальной поляризации, усилению американского диктата, насаждению неолиберализма, неокOLONИализма и транснационального глобализма (“глобальной фабрики”) под эгидой

США в планетарном масштабе (см.: [Wockman, 2015: p. 109–128]). Однако пребывание США в статусе единственной сверхдержавы длилось недолго. Как отмечает шведский социолог Й. Терборн, с 2010 года “глобализация выглядит, скорее, не как расширение американского капитализма, а как его ограничение, вызванное прежде всего усилением Китая и Индии” [Терборн, 2015: с. 83]. Однако смещение экономического и политического центра тяжести глобализации в сторону Азии, Востока и Юга отнюдь не означает прекращения борьбы США за сохранение своего глобального лидерства средствами военно-политического насилия.

Глобализация современного мира охватывает разные сферы общественной жизни и осуществляется в рамках ее экономического, политического, социального, военного и культурного измерений, однако ведущая роль, при всей важности каждого из них, принадлежит глобализации экономики. Важнейшими проявлениями ЭГ являются взаимосвязи рынков, финансов, товаров и услуг, созданные, в первую очередь, транснациональными корпорациями (ТНК) [Корецкий, 2017: с. 34]. Британский экономосоциолог Тонкисс считает: “Концепт глобализации является дискуссионным, но в простых терминах он опирается на идею, что экономические отношения и активности все больше и больше действуют в транснациональном масштабе. Экономическая глобализация описывает процессы интегрирования дальних и разных пространств посредством экономических обменов, производственных систем, коммуникационных потоков и товарных цепочек” [Tonkiss, 2006: p. 4].

Экономическая глобализация означает усиление интеграции кругооборота товаров, производства, изображений, информации и денег над национальными границами. Концепция экономической глобализации предполагает, что современные сети транснациональной циркуляции более экстенсивные в пространстве, более интенсивные по объему и более ускоренные во времени, чем предыдущие модели трансграничного обмена. ЭГ характеризуется не только высоким уровнем торговли, но и ростом уровня прямых иностранных инвестиций и аутсорсинга, а также комплексной связью финансовых трансакций в пространстве. География ЭГ отличается значительной неравномерностью, так как процессы глобальной интеграции сопровождаются производством определенных способов исключения. Ведущими игроками на поле ЭГ во второй половине XX века были США, Западная Европа и Япония, господствовавшие в мировой торговле и инвестировании в течение этого периода. В то же время огромные части земного шара (преимущественно в Африке, Южной Америке, Южной и Центральной Азии) оставались маргиналами на игровом поле ЭГ. К концу XX века баланс экономических сил в этом аспекте был нарушен из-за повышения глобального статуса ряда быстро растущих экономик, прежде всего Китая и Индии [Tonkiss, 2012: p. 604].

В современной экономической социологии ЭГ иногда справедливо отождествляют с корпоративной или неолиберальной глобализацией и характеризуют по следующим основным чертам [Cavanagh, 2004: p. 34]:

- Стимулирование гиперроста и неограниченная эксплуатация внешних ресурсов и новых рынков с целью обеспечения топливом.
- Приватизация и коммодификация общественных услуг.
- Глобальная культурная и экономическая гомогенизация и интенсивное продвижение консьюмеризма.

- Интеграция национальных экономик и проведение конверсии (переход промышленных предприятий с производства одной продукции на производство качественно новой продукции).
- Корпоративное дерегулирование и неограниченное движение капитала через границы.
- Драматическое усиление корпоративной концентрации.
- Демонтаж общественного здравоохранения, действующих социальных и энвайроментальных программ.
- Замещение традиционных органов власти демократических наций-государств и локальных общин глобальными корпоративными бюрократиями.

Учитывая транснациональный характер глобализации в XX веке и заинтересованность в ней ТНК глобализация экономической сферы стала предметом особой заботы капиталистического государства как политического механизма диктатуры монополий в США. Ведь капиталистическое государство выражает интересы американских корпоративных гигантов, являющихся главными драйверами глобализации в интересах ведущих капиталистических государств. ТНК тоже не остаются в долгу перед государственным руководством США и других стран глобального Севера, поскольку, как отмечает сотрудник “Центра исследований глобализации” М. Талиано: “Транснациональные корпорации навязывают неолиберальный диктат, который доводит до обнищания людей, а также “Вашингтонский консенсус” дома и за рубежом. Приватизационные программы разоряют население в пределах страны вследствие сокращения социальной сферы. Равный доступ к здравоохранению и обучению прекращает свое существование. Промышленная база переносится в зависимые марионеточные государства, где прав человека и трудовых прав почти совсем не существует” [Taliano: 2020]. Несмотря на провозглашенное невмешательство государства в экономику в рамках неолиберализма, действующее под лозунгом “свободного предпринимательства” (“пусть делают, что хотят”), ныне вся политическая мощь США брошена на поддержку ТНК. С этой целью американский истеблишмент широко использует заблаговременно созданные в военное и послевоенное время и контролируемые им международные учреждения. В этом контексте российский экономист М. Делягин отмечает: “США обеспечивают свои интересы доминированием в ключевых международных организациях: в военно-политическом плане это НАТО, в экономическом — МВФ и Мировой банк, а также ВТО” [Делягин, 2019: с. 535].

Куда ведет доминирование США в МВФ, убедительно демонстрируют последствия Реформации народного хозяйства в странах “третьего” мира и с “переходной экономикой” под руководством Фонда. Последний вместо выполнения своих уставных обязанностей по предоставлению помощи обеспокоенным государствам в деле валютной стабилизации возложил на себя функции структурной перестройки путем диффузии “свободных рынков” в упомянутых странах. На основе анализа более чем 8500 страниц недавно рассекреченных документов из архивов МВФ и министерства финансов США, а также ряда интервью с ключевыми официальными должностными лицами американские социологи О. Кентикеленис и С. Баб доказали, что МВФ: 1) игнорировал принятые процедуры изменения своего устава и

самовольно видоизменил оперативные нормы МВФ [Kentikelenis, 2019: p. 1723]; 2) присвоил себе право диктовать условия проведения реформ в “новых рыночных странах”, что дает повод рассматривать его реформаторские усилия как нелегитимные и действующие вопреки мандату МВФ [там же: p. 1724]. “Диффузия неолиберализма во всем мире путем проведения реформ под мандатом МВФ не была прямым результатом идеальных сдвигов или технократического упорства, она была результатом целенаправленной акции Соединенных Штатов и их мощных союзников по перенастройке основного института глобального управления” [там же: p. 1750], — подчеркивают названные авторы. Таким образом, МВФ стал одним из главных драйверов нелегитимной глобализации по-американски.

Неолиберальные экономические эксперименты в русле бесперспективного “догоняющего развития” тяжким бременем легли на плечи трудового народа в развивающихся странах и привели к фантастическому обогащению сильных мира сего в западных развитых странах. В результате глобализации по-американски богатые в странах богатого Севера стали еще богаче, а бедные в странах бедного Юга — еще беднее. В данное время около 20% населения мира, проживающие в странах “золотого миллиарда” планеты, контролируют 85% мирового богатства, а остальные 15% богатства приходятся на долю 80% обездоленных жителей Земли, проживающих преимущественно в странах “третьего” мира [Nester, 2010: p. 148].

Отвечая на вопрос, почему бедные в бедных странах остаются бедными, американский исследователь У. Нестер так описывает причины этого явления в условиях ЭГ: “Почти все страны третьего мира являются бывшими колониями, которые не достигли подлинной независимости, а просто получили более искусную, но не менее эффективную форму эксплуатации, которая называется “неоколониализмом”. Плантации, шахты и заводы, первоначально созданные имперскими властями, зачастую остаются в иностранных руках и, невзирая ни на что, остаются экономическими анклавами или островами в пределах бывших колоний. Незначительное, если это имеет место, богатство из производимой ими продукции перетекает вниз коренному населению. Те страны, которые в большей степени используют их пахотные земли для выращивания одной или немногих товарных культур на экспорт, зачастую заканчивают импортированием большей части их продовольствия. Бедные страны зависят от рынков, финансов, технологий, управленческой экспертизы и оружия богатых стран. Страны ядра используют эту “зависимость”, сжимая их в тисках экономического и политического порабощения. Мультинациональные корпорации (МНК) коррумпируют местные элиты, разделяя прибыли с лидерами бизнеса в качестве инвесторов и давая взятки государственным должностным лицам. В результате местные элиты предают собственные народы, продавая свои страны и усваивая ценности и образы жизни западников. Они чаще отправляют свои деньги и детей в надежные прибежища за границей, чем оставляют их дома. Итогом этого является “развитие недоразвитости”, в котором МНК выполняют те же функции в управлении этими странами, которые раньше выполняли старые колониальные правительства” [Nester, 2010: p. 149].

Тотальное наступление государств и монополий в мире капитала на жизненные интересы и права трудового народа ведется под прикрытием множества пропагандистских мифов, создающих гламурный имидж рыночного

фундаментализма и капиталистического глобализма. С этой целью апологеты современной фазы глобализации сравнивают ее с Мировым океаном, бурные волны которого рано или поздно должны прибить все лодки мировой экономики — и большие, и малые — к заветному берегу всеобщего процветания и счастья. Интенсивное насаждение глобализаторской мифологии в среде будущих потенциальных жертв ЭГ сыграло далеко не последнюю роль в неокolonизации стран “третьего мира” и с “переходной экономикой”.

Многие из названных мифов до сих пор активно используются для “промывания мозгов” на всех континентах планеты. Это призвано развеять сомнения людей в том, что глобализация воплощает в себе не только Добро, но и Зло, что она несет выгоды одним и бедствия — другим и разделяет людей планеты Земля по имущественному принципу на выигравших и проигравших в результате утверждения глобального капитализма и в богатых, и в бедных странах, что ведет к беспрецедентному неравенству во всем мире и угрожает ему непредсказуемыми последствиями в обозримом будущем. — Вплоть до революционных потрясений на почве протестов против социально-экономической дифференциации. Первым шагом в этом направлении стало массовое американское демократическое движение “99 процентов против 1 процента” под девизом “Захвати Уолл-Стрит!”. На фоне бурных протестов против резкой дифференциации населения в мире капитала все больше исследователей современности приходят к выводу, что основным достижением новой волны глобализации является расширение неравенства. “Дискурс рыночного либерализма и политик либерализации и приватизации внес вклад в формирование новой элиты — новой плутократии, покупающей влияние в политических и интеллектуальных процессах, которые подрывают демократический процесс” [Mullard, 2004: p. XIV], — подчеркивается в монографии британского исследователя М. Малларда “Политика глобализации и поляризации”. Все это ставит на повестку дня в качестве приоритетной задачи социологической науки разоблачение антинаучных глобализаторских мифологем, объективный анализ плюсов и минусов ЭГ, которая должна осуществляться в интересах всех субъектов мирового сообщества, а не только сильных мира сего.

По мнению сербской исследовательницы С. Тросич, экономическая интеграция в рамках глобализации является теоретическим концептом свободного движения товаров, услуг, труда и капитала в мире без границ. В действительности она неминуемо оказывает как позитивные, так и негативные влияния на ее участников. Сравнение позитивных и негативных последствий ЭГ позволяет проникнуть в суть этого сложного и противоречивого процесса [Trosic, 2016: p. 109–110].

- Позитивными последствиями экономической глобализации являются:
- Рост торговли между государствами.
 - Распространение технологий.
 - Облегчение и ускорение перевозок людей и товаров.
 - Увеличение ликвидности капитала.
 - Усиление взаимозависимости между странами и народами.
 - Увеличение гибкости корпораций, что расширяет их операции за границей.
 - Предоставление потребителям более широкого выбора продукции по более конкурентным ценам.

- Расширение способности компаний обеспечивать инвестиции для производства товаров и предоставления услуг по максимально конкурентным ценам.
- Получение компаниями доступа к более широким рынкам для продажи своих товаров и услуг.
- Расширение возможностей компаний в использовании ресурсов в разных странах с целью более эффективного производства товаров и услуг по более низким ценам.
- Значительное расширение инвестиционных возможностей компаний.
- Снижение затрат благодаря аннулированию пограничных таможенных пошлин и платежей.
- Генерирование более высоких занятости и доходов.

Негативными последствиями ЭГ являются:

- Нарушение национального и индивидуального суверенитета такими международными организациями, как ВТО, ВБ, МВФ и др.
- Внедрение консьюмеризма как ориентированного на материальные ценности образа жизни, то есть на потребление как путь к процветанию.
- Загрязнение и нанесение вреда окружающей среде.
- Рост безработицы и снижение гарантий занятости.
- Расширение пропасти между богатыми и бедными.
- Усиление конкуренции между компаниями, что ставит в невыгодное положение меньшие компании, не имеющие достаточных ресурсов для конкурирования на глобальном уровне.
- Возможность для развитых стран препятствовать развитию слабо-развитых стран.
- Возможность распространения экономических спадов и кризисов с одной страны на все остальные.

Серьезными препятствиями на пути слаборазвитых стран к большей экономической интеграции в пределах ЭГ являются также ограничение на передвижение малоквалифицированной рабочей силы и признание “права на интеллектуальную собственность”, что ограничивает поток знаний, идей и технологий. В результате названных протекционистских ограничений выгоды глобализации распределяются несправедливо в рамках асимметричной структуры, которая благоприятствует богатым и могущественным и ставит в неблагоприятное положение бедных и слабых [Trosic, 2016: p. 111].

Анализируя социальные последствия современных глобальных изменений, Добренев отмечает, что глобализация — это, с одной стороны, процесс закономерной и необходимой интеграции человечества, сопровождающийся повышением качества и уровня жизни населения, ускорением экономического и политического развития стран, активизацией обмена технологическими, научными и культурными достижениями между разными странами и народами. С другой стороны, в условиях экономического и военно-политического господства Запада глобализация приобрела прозападную либеральную форму и оборачивается углублением пропасти между богатыми и развитым Западом и отсталым незападным миром. Она сопровождается жестким диктатом США и их союзников, унификацией национально-культурной самобытности народов, разрушением их духовной идентич-

ности, уничтожением национальной государственности, деморализацией, цинизмом, культом потребления, стандартизацией и духовным опустошением жителей Земли [Добреньков, 2018: с. 34].

Итоги ЭГ на рубеже двух веков убедительно доказали, что обещания улучшить социально-экономическое положение трудового народа в мире капитала за счет увеличения “экономического пирога” и “перетекания богатства сверху вниз” не имеют ничего общего с реальностью. Ведь движение богатства во всем мире осуществляется как раз в обратном направлении, в результате чего богатые богатеют, а бедные беднеют. За примерами далеко ходить не нужно. Накануне нового, 2020 года американское информационное агентство “Bloomberg” сообщило миру о том, что в 2019-м богатство 500 самых богатых людей в мире увеличилось на 25% (на 1,2 трлн долл.), а совокупная стоимость их имущества за вычетом обязательств достигла 5,9 трлн долл. В богатейшей стране капиталистического мира — США — самые богатые 0,1% населения сейчас контролируют большую часть национального “экономического пирога”, чем когда-либо прежде с 1929 года. Абсолютными лидерами в погоне за прибылью и богатством в США стали Марк Цукерберг (“Facebook Inc.”), разбогатевший в 2019 году на 27,3 млрд долл., и Билл Гейтс (“Microsoft Corp.”), который разбогател в том же году на 22,7 млрд долл. В целом же 172 американских миллиардера добавили к своим бесчисленным богатствам 500 млрд долл. [Metcalf, 2019].

На фоне неудержимого роста богатства “денежных мешков” Америки ее народу приходится все туже затягивать пояса, а десяткам миллионов обездоленных голодать под эгидой Статуи Свободы. Когда Р. Рейган пришел к власти в США в 1980 году, в стране один человек из каждых 50-ти зависел от получения продовольственных талонов. Начиная с 1977 года их распределяют бесплатно почти среди всех, на кого распространяются социальные программы “Помощь семьям с детьми-иждивенцами” и “Дополнительные пособия. Дополнительная помощь малообеспеченным”. Талоны можно обменивать в магазинах только на продовольствие. Сегодня от получения этих талонов зависит один из 4 американцев. До президентства Рейгана в США насчитывалось 10 млн голодающих людей, сегодня — свыше 50 млн. Среди них 25% составляют дети, которые каждую ночь голодными отправляются спать. Около четверти населения США не может покупать достаточное количество качественных продуктов питания, необходимого для поддержания здоровья. Многие студенты колледжей вынуждены копаться в мусорных бункерах в поисках остатков съедобных продуктов. От продовольственной помощи в цитадели капитализма в наши дни зависят не только многие “работающие бедные”, которые получают заработную плату ниже черты бедности, но и 25% американских военнослужащих [Romanoff, 2019].

По свидетельству кандидата в президенты США от Демократической партии, сенатора Б. Сандерса, сегодня “миллионы американцев живут в бедности и умирают, так как они не в состоянии пользоваться услугами здравоохранения”. В связи с этим он призвал увеличить налоги на богатство таким образом, чтобы уменьшить состояния миллиардеров в США наполовину в течение последующих 15 лет [Johnson, 2019]. Но этот призыв остался “гласом вопиющего в пустыне” в стране, где, как отмечает бывший министр труда США, профессор Школы государственной политики Калифорнийского университета в Беркли Р. Райх, налоги на заработную плату в 2018 году составляли 7,8% в национальном доходе, а на корпорации — всего лишь 0,9%

[Reich, 2019b]. В конце 2019 года администрация Трампа объявила о сокращении расходов на продталоны для голодающих семей на 5 млрд долл. Несмотря на то, что сегодня типичное американское домохозяйство оказалось беднее, чем было до начала глобального финансового кризиса 2007-го [Reich, 2019a], что является следствием несправедливого распределения ВВП США между разными социальными классами. По оценкам 2007 года, приведенным во “Всемирной книге фактов” ЦРУ, накануне упомянутой рецессии на долю высших 10% домохозяйств в США приходилось 30% доходов, на долю низших 10% — 2% [CIA, 2019]. В этом контексте говорить об уменьшении социально-экономической поляризации в США в результате обещанного “перетекания богатства сверху вниз” не приходится.

История экономических учений свидетельствует, что когда та или иная экономическая теория доводит ту или иную страну до банкротства, на смену ей внедряется новая теория, способная вывести народное хозяйство из кризиса. Например, после “Великой депрессии” 1929–1933 годов, создавшей реальную угрозу дальнейшему существованию капиталистического мира, на смену либерализму пришли кейнсианская идеология и практика, проложившие путь к “славному послевоенному тридцатилетию” или “золотому веку капитализма”. В отличие от кейнсианства, неолиберализм с переходом к нему капиталистического мира не стал стартовой площадкой для нового “золотого века” ни для стран глобального Севера, ни для стран глобального Юга. Наоборот, в период постсоветского тридцатилетия неолиберализм сыграл главную роль в погружении экономик как развитых стран, так и стран “третьего мира” и с “переходной экономикой”, в том числе нашей страны, на “экономическое дно”. “Украина, — как справедливо отмечает президент Украинской ассоциации Римского клуба В. Галасюк, — может на собственном опыте показать миру, как навязанная нам неолиберальная идеология, которая проросла в экономическую политику, привела к масштабным разрушительным последствиям: деиндустриализации, неравенству, бедности и миграции населения, а также чрезмерной долговой зависимости государства и привыканию к паллиативной макрофинансовой помощи” [Вайцзекер, 2019: с. V].

Сегодня, как признается в Докладе Римскому клубу, подготовленном 36 его членами к 50-летию юбилею клуба в 2018-м, “текущий кризис является также кризисом глобального капитализма”. “Мир снова находится в критическом положении ... Мы должны подвергнуть сомнению легитимность идеалов материалистического эгоизма, который является самой мощной движущей силой в мире” [там же: с. VIII]. Но несмотря на все предупреждения о том, что “капитализм в известной нам форме, с сосредоточением на максимизации краткосрочной выгоды, ведет нас в неправильном направлении” [там же: с. IX–X], современные власть имущие не собираются отказываться от неолиберальной парадигмы, поскольку именно она позволила им осуществить беспрецедентное перераспределение доходов и богатства в свою пользу за счет трудового народа. “Новые хозяева жизни” во всем мире, в том числе в Украине, говоря словами Макса Вебера, обогащаются, чтобы идти во власть, и идут во власть, чтобы обогащаться, — не заботясь ни о дальнейшей судьбе страны, ни о перспективах выживания ее населения. Поэтому дальнейшее копирование западного способа производства и образа жизни в надежде на построение нового “золотого века капитализма” выходит за рамки здравого смысла и рано или поздно заведет человечество в тупик истории, а нашу страну приведет к коллапсу. Это ставит на повестку дня всех

людей доброй воли поиск новой модели ЭГ под лозунгами современных альтерглобалистов: “Люди выше прибылей!” Иначе в ближайшее время народонаселение Земли столкнется со всемирным хаосом и социальными потрясениями с непредсказуемыми последствиями.

Последние угрозы становятся все более вероятными в связи с тем, что капиталистическая экономика потерпела серьезное поражение в борьбе с чумой XXI века — коронавирусом COVID-19, который с каждым днем забирает все больше жизней на всех континентах планеты. Наибольшие потери приходится на долю богатейшей страны капиталистического мира — США. Это свидетельствует о явной неспособности неолиберального фундаментализма обеспечить право граждан на охрану здоровья и жизни. COVID-19 окончательно развеял мифы о преимуществах американской медицины. Кстати, недавно в США увидела свет книга “Смерть отчаяния и будущее капитализма”. Ее авторы — заслуженный профессор экономики Э. Кейс и лауреат Нобелевской премии по экономике А. Дитон, проанализировав поразительный рост количества “смертей отчаяния” в США, включая самоубийства, от передозировки наркотиков и алкоголизма, среди белых американцев среднего возраста, пришли к выводу, что ключевыми факторами этого феномена являются корпоративная жадность, неравенство в распределении богатства и система здравоохранения, ставшая “раковой опухолью в сердце экономики” [Case, 2020: p. 10].

Столкнувшись с глобальной проблемой коронавируса COVID-19, США и их сателлиты в Западной Европе, а также международные организации забыли о необходимости солидарных действий с целью ее разрешения в планетарном масштабе. Западные страны игнорируют призывы к объединению усилий всех государств и народов в борьбе с этим опасным врагом. Обращение стран периферийного капитализма к странам Нового и Старого мира, а также к наднациональным финансово-экономическим учреждениям с просьбой в нынешней критической ситуации уменьшить им уплату непосильных внешних долгов не встречают понимания со стороны ВБ и МВФ. В наше время выплаты более чем 60 стран мира своим кредиторам превосходят их затраты на здравоохранение. Вполне понятно, что в результате долгового обескровливания большинство стран “третьего” мира не имеют возможности противостоять COVID-19 [Dearden, 2020]. Для справки: Гана расходует почти в четыре раза больше средств на обслуживание внешнего долга, чем на здравоохранение. Буркина Фасо имеет всего 11 вентиляторов для легких на 19 млн граждан. В Мозамбике нет ни одного отделения интенсивной терапии. В Сьерра-Леоне — всего один врач на 50 000 населения. По мнению многих исследователей нынешнего системного кризиса в мире капитала, неспособность западной политической элиты объединить усилия народов в борьбе с COVID-19 накануне втягивания мировой экономики в очередную Великую Депрессию свидетельствует о коллапсе капиталистической глобализации, начале деглобализации современного мира и установлении нового мирового порядка.

Итак, с одной стороны, ЭГ является естественноисторическим, объективным процессом, прежде всего в смысле международного разделения труда, с другой — ЭГ является субъективным процессом формирования глобальной капиталистической экономики под эгидой ведущих западных государств, наднациональных финансово-экономических учреждений (прежде всего ВБ, МВФ и ВТО), транснациональных корпораций и банков. В наше время все

они являются основными драйверами современных планетарных процессов и агентами социальных изменений, которые определяют формы и направления глобализации мировой экономической сферы, а также количественные и качественные параметры главных потоков глобальной экономики в пределах стран “ядра”, полупериферии и периферии в интересах “сильных мира сего”. Последние проживают в странах “золотого миллиарда” планеты, считая себя “центром” современной мир-системы, который якобы имеет естественное право осуществлять политику “американизации” и “вестернизации” экономики в планетарном масштабе с целью обеспечения дальнейшего господства глобального неолиберального капитализма в развивающихся странах и странах с “переходной экономикой”. Это требует адекватного ответа последних путем разработки и воплощения в жизнь альтернативной парадигмы общественно-политического и экономического развития в интересах всех государств и народов нынешней мировой цивилизации.

Эмпирическое измерение ЭГ

Эмпирическое измерение ЭГ непосредственно связано с его концептуальным измерением, поскольку сам выбор индикаторов во многом зависит от теоретической позиции исследователя в отношении сути глобализационных процессов и, конечно, тех задач, которые он должен выполнить. Эмпирическое измерение хода этих сложных и противоречивых процессов и их влияния на экономику и жизнедеятельность разных социальных классов/групп в условиях глобального неолиберального капитализма принципиально важно для принятия стратегических решений, разработки внутренней и внешней экономической политики, как и для многих других видов анализа нынешних реалий. Именно поэтому многие ученые и аналитики соответствующих международных организаций привлечены к этой непростой работе. Как утверждают авторы монографического исследования по вопросам измерения глобализации, эти вопросы сегодня являются центральными и для академической, и для бизнесовой среды, а также для СМИ и политических кругов [Dreher, 2008: p. 25].

Поскольку ЭГ характеризует новые явления и процессы на глобальном и национальном уровнях прежде всего в экономике, основной массив индикаторов, которые их измеряют, касается экономической статистики. При этом, по мнению многих исследователей, не так просто выделить сугубо экономико-глобализационные показатели и четко дифференцировать их от общих макроэкономических индикаторов, таких, например, как рост ВВП или экспорта/импорта товаров и услуг. Мы считаем, что этого и не нужно делать. Необходимо четко понимать суть ЭГ и свойственные ей признаки (экономическая связанность и взаимозависимость между разными регионами и странами, глобальные производственные цепочки, мобильность капитала и рабочей силы, рост численности и роли ТНК/ТНБ, свободная торговля, ослабление роли профсоюзов и усиление трендов нестабильности и неравенства в сфере труда и т. п.), чтобы отслеживать изменения соответствующих показателей для анализа динамики глобальных процессов. Эта динамика ключевых макроэкономических показателей отражает изменения в экономике именно в условиях ЭГ, то есть “оцифровывает” ее влияние на экономическую жизнь стран и мира. Ведь ЭГ — это не просто важный современный социальный фе-

номен или процесс, которым невозможно пренебречь, это неотъемлемое реальное состояние нынешнего экономического бытия. И поэтому динамика показателей экономической и социальной статистики как национального, так и мирового уровня во времена ЭГ (отсчет которых для Украины и других стран постсоветского пространства начался с 1991 года) характеризует по отдельным параметрам изменения в экономике и обществе, произошедшие под влиянием вовлечения в глобальное капиталистическое пространство. Это касается и динамики социологических показателей. Поэтому мониторинг статистических и социологических данных является одновременно инструментом измерения как самого процесса ЭГ, так и его социальных и экономических последствий, то есть влияния на жизнь стран и людей.

В целом можно выделить четыре разновидности эмпирического социологического измерения ЭГ:

- 1) определение сути и ключевых признаков ЭГ (посредством опросов экспертов, исследующих вопросы глобализации);
- 2) изучение восприятия гражданами отдельных стран (в частности, Украины) и мира характера и последствий ЭГ (путем национальных и международных социологических опросов, например опросов Евробарометра или Международной конфедерации профсоюзов);
- 3) социологические показатели социальных изменений в период ЭГ по данным социологических мониторингов (это — опосредованные показатели ЭГ, индикаторы социальных последствий ЭГ);
- 4) разнообразные индексы ЭГ, разработанные как отдельными исследователями, так и группами аналитиков международных организаций непосредственно для измерения процессов глобализации.

Экспертные социологические опросы позволяют при необходимости оценить распространенность тех или иных концептуальных трактовок ЭГ, выявить дискуссионные вопросы, очертить проблемы, порожденные глобализацией, и возможные пути их решения. Особой разновидностью эмпирического измерения и важным источником информации для анализа сути и ключевых признаков ЭГ является также контент-анализ соответствующих научных текстов.

Остановимся детальнее на данных массовых опросов, непосредственно нацеленных на выяснение общественного мнения касательно глобализации. В 2008 году в рамках специального проекта Евробарометра (wave 69.2) было опрошено 30 170 граждан 31 страны и территорий (27 членов ЕС, трое стран-кандидатов и турецко-киприотская община), которые представляют более 453 млн жителей Европы, по поводу их восприятия глобализации, ее экономических, социальных и культурных последствий, влияния на бизнес, а также роли ЕС в разрешении проблем, связанных с глобализацией [Eurobarometer, 2008].

По мнению большинства опрошенных, глобализация требует обобщения правил на мировом уровне (64%), означает увеличение иностранных инвестиций в их страну (57%) и предоставляет возможности для экономического роста (56%). Однако столько же респондентов (56%) признают и то, что она углубляет социальное неравенство. В общем мнения европейцев о глобализации разделились: одни воспринимают ее как возможности, другие — как угрозу и негативные воздействия, требующие контроля и урегулирования. Так, шестеро из десяти (63%) считали, что от глобализации выигрывают только

компании, а не граждане. Скорее негативно люди воспринимают и влияние глобализации на инфляционные процессы (не согласных с заявлением, что “глобализация защищает нас от повышения цен”, было почти втрое больше, чем тех, кто разделяет это мнение — 61% против 22%). То есть глобализация торговли не воспринимается как такая составляющая ЭГ, которая способна противостоять инфляции, играющей ключевую роль для жизненного благополучия европейцев. Более позитивно жители европейских стран относятся к культурным последствиям глобализации (по мнению 62% респондентов, она позволяет людям быть более открытыми к внешним культурам; вместе с тем, по мнению 39% респондентов, она представляет угрозу национальной культуре). Было зафиксировано и весьма амбивалентное отношение к пониманию интересов основных геополитических/геоэкономических сил глобализации: 37% населения считали, что ЕС и США имеют одинаковые интересы в отношении глобализации, 41% придерживались иного мнения. Достаточно амбивалентное, хотя и с некоторым преобладанием позитивного отношения, у европейцев восприятие влияния глобализации на вопросы мира и помощи беднейшим странам (с мнением о том, что “глобализация способствует миру в мире” согласились 44% опрошенных, а 39% — нет; с утверждением, что “глобализация помогает развиваться более бедным странам” были согласны 48% респондентов, а 36% — нет). Детальнее ознакомиться с распределением общественного мнения по этим вопросам в зависимости от страны проживания, возраста, образования, характера занятости граждан, их политических ориентаций, осведомленности о ЕС и т. п. можно на упомянутом выше сайте. Например, чем младше респонденты и чем выше уровень их образованности (чем дольше они учились), тем чаще они усматривали в глобализации источник экономического роста и подчеркивали позитивные аспекты глобализации экономики. Среди осведомленных в отношении ЕС респондентов гораздо меньше тех, кому было трудно ответить на вопрос о сути и влиянии глобализации, если сравнивать с ответами плохо осведомленных в этом отношении респондентов, среди которых количество ответов “не знаю” на вопросы о глобализации почти достигло половины (44–46%).

Показательно, что на вопрос “Когда вы слышите слово “глобализация”, что сначала приходит на ум?” четверо из десяти респондентов (41%) ответили: “переезд некоторых компаний в страны, где рабочая сила дешевле” (в предыдущих опросах Евробарометра в 2007-м и 2005 годах такой ответ выбрали чуть меньше респондентов — 35% и 37% соответственно). Существенно меньшие доли населения идентифицируют глобализацию с возможностями открытия новых торговых площадок для национальных компаний либо с иностранными инвестициями или же с усилением конкуренции для национальных компаний (соответственно 16%, 16% и 13%).

Интересные мнения собраны и по таким тематическим блокам опроса, как “глобализация и компании” и “ЕС и глобализация”. Наряду с осознанием определенных позитивных результатов от ЭГ европейцы считают, что она угрожает занятости и национальным компаниям (43%). Вместе с тем доля тех, кто воспринимает ее как хорошую возможность для компаний благодаря открытию новых рынков сбыта, достигает 39%. Существенные расхождения в этих оценках наблюдаются не только между странами, но и между разными социально-демографическими группами населения.

По мнению семи из десяти европейцев (72%), компании переезжают преимущественно для увеличения прибыли. Менее пятой части граждан Евросоюза (17%) считают, что у компаний просто нет иного выбора, если они хотят избежать закрытия. Это еще раз подтверждает распространенное в массовом сознании европейцев мнение, что от глобализации выигрывают только крупные компании, а не граждане.

На фоне общей амбивалентности сознания европейских граждан и относительно роли ЕС опрос выявил, что 44% европейских граждан считают, что ЕС помогает защищать их от негативных результатов глобализации (35% с этим не согласны), а каждый второй (48%) респондент согласен, что ЕС помогает гражданам Европы увеличивать выгоды от позитивных результатов (31% с этим не согласны). И хотя граждане европейских стран весьма пессимистичны в отношении состояния их национальных экономик и не едины в своем восприятии глобализации, похоже, они убеждены, что экономику ЕС в целом можно оценить достаточно хорошо в сопоставлении с остальным миром и она даже более динамична, чем американская экономика.

Украина, к сожалению, никогда не привлекалась к проектам Евробарометра ни по каким вопросам, в том числе по глобализационной тематике. Однако ученые Института социологии НАН Украины практически параллельно с аналитиками этого международного исследовательского проекта подготовили свой инструментарий и проанализировали в 2006 и 2007 годах в рамках ежегодного социологического мониторинга украинского общества состояние массового сознания граждан в плане понимания и восприятия глобализации [Арсеенко, 2011]. Украинские социологи хорошо понимали, что значительная доля респондентов вообще не знакома с глобализационной тематикой и даже ознакомленным в определенной мере с этими вопросами будет непросто определять ее суть, последствия и свое отношение к происходящим процессам. Для получения достоверной информации ученые с помощью специальных вопросов-фильтров выделяли группы наиболее компетентных в этих вопросах граждан (таких оказалось 37% в 2006 году ($N = 1800$) и 40% в 2007-м ($N = 1800$), в частности, 4% хорошо осведомленных). Более осведомленными были пользователи интернета, владеющие английским языком, имеющие высшее образование, горожане, молодежь и люди среднего возраста.

Среди наиболее компетентных в вопросах глобализации респондентов, по данным 2006 года, четверо из десяти понимали ее как неолиберальный проект (“подчинение интересам США и экономически сильным странам Запада всех остальных стран мира” — 28%, “усиление роли ТНК и транснациональных организаций, претендующих на управление миром” — 10%, “высшая стадия развития капитализма — империализм” — 3%), тогда как более трети (36%) — как “резкое усиление экономических, политических, социальных и культурных связей между странами мира”. В 2007 году восемь из десяти (81%) наиболее компетентных в вопросах глобализации респондентов считали глобализацию управляемым процессом, то есть таким, на который определенные движущие силы (страны, международные организации, общественные движения) могут/способны влиять в своих интересах. При выборе наиболее влиятельных в отношении глобализационных процессов трех движущих сил респонденты назвали ЕС (44%), США (35%) и триаду

ВБ–МВФ–ВТО (28%). Однако доверяли этим субъектам/участникам глобализации как влияющим на нее в интересах всего мирового сообщества значительно меньше опрошенных граждан (35%, 6% и 16%, соответственно). В целом, по мнению каждого второго “протоэксперта” (53%), глобализация приводит к перераспределению богатства и доходов в пользу богатых, а наибольшие выгоды от глобализации получают прежде всего финансовые рынки (36%), ТНК (35%) и США (32%). Касательно международной торговли как одного из проявлений ЭГ почти семеро из десяти компетентных в вопросах глобализации респондентов (67%) ответили, что наибольшую выгоду от ее расширения получают развитые капиталистические страны, и только каждый десятый (12%) такими бенефициарами назвал бывшие социалистические страны, ставшие на путь развития рыночной экономики.

По мнению осведомленных в глобализационной тематике респондентов, наиболее позитивное влияние глобализация оказывает на культурные обмены с другими странами (39%), экономический рост (31%) и научно-технический прогресс (31%). Наиболее негативно она влияет на неравенство между богатыми и бедными (34%) и окружающую среду (25%). В этом плане оценки украинских граждан близки к восприятию позитивных и негативных последствий глобализации европейцами.

Безусловный интерес представляют и ответы наших сограждан о том, в каких сферах жизни украинского общества наиболее заметны проявления глобализации, в какой сфере Украина может успешнее всего конкурировать с другими странами мира или насколько выгодным для респондента и его семьи будет усиление социально-экономического влияния глобализации на Украину [Арсеевко, 2011: с. 149, 152, 159] и т. п. По мнению рядовых граждан, Украина в 2007-м была не готова к вхождению в глобальную экономику/глобальное социально-экономическое пространство (так считали 79% “протоэкспертов”; 8%, то есть в десять раз меньше респондентов имели противоположное мнение). Этому мешали, во-первых, политическая нестабильность в стране (56%) и коррумпированность политических лидеров и топ-представителей бизнеса (56% и 55% соответственно), во-вторых, неконкурентоспособность экономики и недостаточное развитие инфраструктуры (транспорта, связи) (39% и 33% соответственно), в-третьих, научно-техническое отставание от развитых стран (20%) и некоторые другие причины. Как точно отмечали авторы рассматриваемого исследования, “вероятно, респонденты под готовностью к глобализации хозяйственной жизни Украины подразумевают ее достойное место среди лидеров мировой экономики, которого не может в данное время обеспечить ей низкий уровень развития производительных сил, растроченный впустую за годы рыночных реформ экономический, научный и социальный потенциал” [Арсеевко, 2011: с. 153]. Неслучайно Украину, которая еще недавно принадлежала к первой десятке наиболее промышленно и научно развитых стран Европы, уже через 16 лет после отказа от социалистического устройства экономики и перехода на капиталистические рельсы хозяйствования каждый второй (52%) среди разбигающихся в проблемах глобализации респондент оценил в рамках современного мира не как развитую и независимую страну, а как развивающуюся.

Одним из последних важных международных исследований, непосредственно посвященных оценке последствий ЭГ, стал глобальный опрос, проведенный Международной конфедерацией профсоюзов в 2017 году. Было

опрошено 15 728 респондентов, которые представляют 3,9 млрд людей из 16 стран¹ или половину (53%) населения планеты. Главный вывод этого масштабного проекта, зафиксированный в названии резюме подготовленного по результатам опроса аналитического доклада “Globalization is Failing People” (“Люди проигрывают от глобализации”), звучит весьма красноречиво [International, 2017]. По данным Global Poll 2017, люди обеспокоены глобальным кризисом в сфере занятости, приходят в отчаяние и ощущают безысходность из-за уровня своей заработной платы, боятся изменений климата и кибер-атак, считают национальные правительства не способными действовать в интересах людей.

Большинство опрошенного населения переживает из-за таких проблем в своих странах, как “потеря людьми работы” (73%), “усиление неравенства между 1% самых богатых людей и остальным населением” (74%), “слабость/ослабление или даже отмена трудового законодательства” (61%) и т. п. Почти четверо из десяти респондентов указали, что за последние два года они лично или кто-нибудь из членов их семьи приобрели опыт безработицы или сокращения рабочих часов. Мнения людей о достойной работе в будущем разделились: 58% респондентов считают, что следующее поколение найдет достойную работу, 44% — что нет. За последние два года только у каждого пятого (20%) доходы превышали уровень издержек на жизнь и остались на этом уровне у трети (35%). Вместе с тем в семьях почти каждого второго респондента (45%) доходы отставали от реальных затрат на жизнь. При оценке своего финансового положения ответы респондентов разделились поровну: у половины финансовое положение неудовлетворительное (9% респондентов не имеют достаточно денег для базовых потребностей, таких как жилье, еда и электроэнергия) или напряженное (40% едва хватает денег для удовлетворения базовых потребностей), у другой половины — удовлетворительное (44% имеют не только достаточно денег для удовлетворения базовых потребностей, но и делают небольшие сбережения) и хорошее (7% имеют достаточно денег для базовых потребностей и могут существенно экономить). Следует подчеркнуть, что восемь из десяти опрошенных в мире (80%; от 42% в Дании до 97% в России и 98% в Бразилии) считают, что минимальная заработная плата в их стране недостаточна для достойной жизни.

Восемь из десяти (79%; от 62% в Дании до 89% в России, 92% в Бразилии и 95% в Гватемале) уверены, что нынешняя экономическая система действует в интересах богатых, и только 20% считают ее справедливой для большинства людей². То есть не существует ни одной страны, где большинство населения воспринимало бы эту систему как справедливую для большинства людей. С такой позицией полностью согласуются и другие оценки респондентов, по мнению которых 1% самых богатых людей и интересы корпораций оказыва-

¹ Опросом было охвачено население Аргентины, Бельгии, Бразилии, Канады, Китая, Дании, Франции, Германии, Гватемалы, Индии, Японии, России, Южной Африки, Южной Кореи, Великобритании, США.

² По данным социологического мониторинга Института социологии 2019 года, семеро из десяти опрошенных украинских граждан считают, что экономическая система в нашей стране действует исключительно в интересах богатых (71%) и только каждый десятый (11%) — что в интересах большинства населения (18% респондентов не знали, как ответить на этот вопрос).

ют слишком сильное влияние на глобальную экономику (70% и 61% соответственно), а трудящиеся (*working people*), как и национальные правительства — недостаточное (71% и 52% соответственно). В итоге 85% опрошенных считают, что для обеспечения экономического роста и всеобщего процветания правила глобальной экономики должны быть переписаны.

Благодаря социологическим опросам ученые могут исследовать как непосредственные, приведенные выше показатели восприятия массовым сознанием глобализационных процессов, так и опосредованные индикаторы, в частности индикаторы социальных последствий капиталистической глобализации. К динамике конкретных социологических показателей социальных изменений за период ЭГ в украинском обществе мы вернемся в последнем параграфе нашей статьи.

Несмотря на сложность и многогранность процессов глобализации аналитики ведущих международных организаций и ученые, занимающиеся этими проблемами, разрабатывают соответствующие показатели и интегральные индексы для возможности комплексной оценки феномена глобализации, отслеживания динамики глобализационных процессов и сравнения достигнутых уровней глобализованности отдельных стран и регионов. Среди таких институтов следует отметить в первую очередь ООН и ее специализированные учреждения (особенно Конференцию ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) и Международную организацию труда (МОТ)), ВБ, МВФ, Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Евростат и др. В частности, аналитиками ОЭСР в 2005 и 2010 годах подготовлены два справочника, которые дают концептуальное видение и методологическое обеспечение для сбора статистической информации и разработки индикаторов ЭГ [OECD, 2005; *Measuring Globalisation* OECD, 2010]. Они в основном охватывают сугубо экономические показатели, такие как прямые иностранные и портфельные инвестиции, торговля, экономическая активность предприятий МНК, интернационализация науки и международная диффузия технологий, глобальные стоимостные цепочки как новая форма глобализации и т. п. Вместе с этим в аналитических справочниках ОЭСР освещаются вопросы, относящиеся к более широкому социальному контексту — знаниевому, инвайронментальному и т. п.

ЮНКТАД, исходя из значимости глобализации для развития человечества, начал реализовывать специальный проект, в рамках которого постоянно публикует аналитические доклады “Развитие и глобализация: Факты и цифры”. В издании 2016 года, посвященном Целям устойчивого развития (до 2030 года), одобренном Генеральной ассамблеей ООН в 2015 году, Генеральный секретарь ЮНКТАД М. Китуи подчеркнул актуальность и необходимость всестороннего подхода к анализу, который должен учитывать не только экономические, но и социальные, институциональные и экологические факторы развития [Development, 2016: p. iii].

Среди ученых, разрабатывающих индексы глобализации, следует назвать прежде всего таких, как А. Дреер из Швейцарского экономического института (KOF Swiss Economic Institute, Zurich), Н. Гастон (N. Gaston) из австралийского Университета Бонд (Bond University, Australia) и П. Мартенс из Маастрихтского университета (Maastricht University, Netherlands), которые написали в соавторстве специальную монографию “Измерение глобализации. Оценка ее последствий” [Dreher, 2008]. Исследованием из-

мерения глобализации также активно занимались К.-М. Апостоаие из Румынии, Т. Андерсен и Т.Т. Херберссон из Боннского института исследований труда, Б. Локвуд и М. Редоано из Центра исследований глобализации и регионализма, Дж. Рандольф из Центра исследований мировых рынков и другие западные исследователи.

На сегодняшний день наиболее значимыми инструментами измерения степени глобализованности экономики являются несколько индикаторов: КОФ индекс глобализации (KOF Swiss Economic Institute); ATK/FP индекс глобализации (с 2001 года ежегодно публикуется престижным журналом “Foreign Policy”); CSGR индекс глобализации, разработанный Центром исследования глобализации и регионализма (CSGR); WMRC индекс глобализации, предложенный в 2001 году Мировым рыночным исследовательским центром (The World Market Research Centre); Маастрихтский индекс глобализации MGI (авторы — П. Мартенс и Д. Зивец, 2006). Все указанные индексы преимущественно ориентированы на экономическое измерение глобализации и различаются по ряду охваченных аспектов, количеству базовых показателей, некоторым методологическим и методическим подходам, а также по количеству стран, статистические данные которых привлечены для построения индекса¹.

Группа немецких ученых из Бамбергского и Лейпцигского университетов, конструктивно осмысливая многомерность глобализации как феномена и концепта и творчески пересмотрев наработки своих коллег, применили социологический подход к измерению глобализации. Социологический индекс глобализации — GlobalIndex — охватывает экономические, социотехнические, культурные и политические аспекты глобализации и расширяет известные раньше индексы дополнительными измерениями и индикаторами в соответствии с социологическим концептом глобализации [Raab, 2008].

Поскольку объектом исследования этой статьи является ЭГ, остановимся детальнее именно на индексе ЭГ, разработанном и рассчитанном Швейцарским экономическим институтом в рамках интегрального КОФ индекса глобализации — KOFGI [KOF Globalisation Index, s.a.]. Он разработан на основе индексов экономической, социальной и политической глобализации (которые имеют одинаковые весовые коэффициенты — 33,3). Индекс ЭГ состоит из субиндексов торговой и финансовой глобализации, индекс социальной глобализации — из субиндексов межперсональной, информационной и культурной глобализации, индекс политической глобализации субиндексов не имеет. Каждый из указанных индексов охватывает несколько соответствующих переменных. Индекс глобализации КОФ охватывает огромную базу данных с 1970 года до сегодняшнего дня (203 страны на 2017 год). Данные индекса обновляются ежегодно и доступны для анализа на указанном выше сайте. Этот индекс был модифицирован дважды — в 2007 и 2018 годах. Последняя, третья версия индекса отличается от версии 2007 года увеличением количества базовых переменных (с 23 до 43, что позволяет точнее измерить гло-

¹ В частности, индекс WMRC почти полностью сфокусирован на экономическом измерении (90%) и крайне незначительно на технологическом (5% — телефонный трафик и 5% — интернет трафик). Детальнее ознакомиться с методикой построения этих и других индексов глобализации можно в соответствующих публикациях [Apostoaiae, 2011; Dreher, 2008; Gygli, 2019].

бализацию согласно принятой концепции¹), введением в рамках индекса ЭГ отдельного индекса финансовой глобализации, различием глобализации де-юре и де-факто, совершенствованием определения весовых коэффициентов [Gygli, 2019]. Индекс глобализации де-факто измеряет существующие потоки и разновидности международной активности, а глобализация де-юре — соответствующие институциональные правила, регулирующие эти потоки и деятельность. Показатели де-юре и де-факто рассчитываются по каждой составляющей КОФ индекса глобализации, общий индекс глобализации объединяет соответствующие де-факто и де-юре индикаторы. Структура индекса ЭГ отражена в таблице 1. Со структурой общего КОФ индекса глобализации можно ознакомиться на сайте Института или в статье швейцарских и немецких исследователей [Gygli, 2019].

Таблица 1

Структура индекса ЭГ, разработанного Швейцарским экономическим институтом в рамках интегрального КОФ индекса глобализации

<i>Индекс глобализации, де-факто</i>	<i>Весовой коэффициент</i>	<i>Индекс глобализации, де-юре</i>	<i>Весовой коэффициент</i>
<i>Экономическая глобализация</i>	33,3	<i>Экономическая глобализация</i>	33,3
<i>Торговая глобализация</i>	50,0	<i>Торговая глобализация</i>	50,0
Торговля товарами	38,5	Правила торговли	25,8
Торговля услугами	45,1	Торговые налоги	25,3
Диверсификация торговых партнеров	16,4	Тарифы	25,4
		Торговые соглашения	23,5
<i>Финансовая глобализация</i>	50,0	<i>Финансовая глобализация</i>	50,0
Прямые иностранные инвестиции	27,3	Инвестиционные ограничения	32,2
Портфельные инвестиции	16,9	Открытость счетов движения капиталов	38,7
Международный долг	25,7		
Международные резервы	3,2	Международные инвестиционные соглашения	29,1
Международные платежи по доходам	26,9		

В таблице 2 приведены индексы глобализации Украины с 1991 по 2017 год. Динамика индикаторов ЭГ свидетельствует о значительном усилении степени глобализованности украинской экономики — в 3,6 раза. Общий индекс глобализованности страны вырос в 2,5 раза, индекс политической глобализованности — в 2,2 раза, социальной — меньше всего, в 1,7 раза. И хотя именно ЭГ является определяющей разновидностью глобализацион-

¹ Глобализация, по мнению разработчиков этой версии индекса, описывает процесс создания сетей связей между актерами независимо от места их нахождения и дистанции между ними, связывая различные потоки людей, капитала, товаров, информации, идей и тому подобное. Глобализация — это процесс, который размывает национальные границы, интегрирует национальные экономики, культуры, технологии, управление и производит сложные отношения множественной взаимозависимости.

ных процессов, ее индекс, как и в начале вхождения Украины в глобальное экономическое пространство, остается сегодня самым низким среди трех составляющих интегрального индекса глобализации. Самые высокие баллы эксперты поставили политической глобализации нашей страны.

Таблица 2

**Индексы глобализации Украины,
рассчитанные Швейцарским экономическим институтом**

<i>Индексы глобализации</i>	1991	1994	2000	2004	2010	2013	2014	2017
Индекс глобализации	33,3	44,9	62,6	64,2	71,6	73,7	73,4	74,9
Индекс экономической глобализации	17,9	27,8	58,6	52,3	61,6	61,8	61,7	65,0
Индекс социальной глобализации	41,5	43,0	49,6	56,2	66,6	71,9	71,3	70,4
Индекс политической глобализации	40,6	63,8	79,5	84,2	86,6	87,2	87,2	89,2

Несмотря на зафиксированный тренд роста глобализованности украинской экономики и страны в целом, ни один из приведенных индикаторов не отражает полностью реальность, а тем более не показывает, как изменилась жизнь людей за это время, кто выиграл, а кто оказался в трудном положении за период капитализации украинской экономики и ее вовлечения в глобальное экономическое пространство. Для получения максимально возможной объективной картины изменений в обществе в условиях ЭГ необходимо комплексно анализировать статистические и социологические данные.

(Продолжение следует)

Источники

Арсенко, А.Г., Малюк, А.Н., Толстых, Н.В. (2011). *Вызовы глобализации и Украина*. Киев: Институт социологии НАН Украины.

Бек, У. (2001). *Что такое глобализация?* Москва: Прогресс–Традиция.

Вайцзекер, Е.У. фон, Війкман, А. (2019). *Соме Оп! Капіталізм, недалекоглядність, населення і руйнування планети. Доповідь Римського клубу*. Київ: Самміт–Книга.

Владимиров, А.А., Зеленов, Л.А., Степанов, Е.И. (2010). *Современная глобализация: Состояние и перспективы*. Москва: ЛЕНАНД.

Делягин, М.Г. (2019). *Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Т. 1: Общая теория глобализации*. Москва: ИПРОГ, Книжный мир.

Добреньков, В.И., Рахманов, А.Б. (2014). *Социология глобализации*. Москва: Академический проспект.

Добреньков, В.И. (2018). *Глобализация: сущность, проявления и социальные последствия*. Москва: Академический проспект.

Корецкий, В.А., Халиков, М.С. (2017). *Социология глобальных процессов*. Москва: Академический проспект.

Манн, М. (2018). *Источники социальной власти. Т. 4: Глобализация, 1945–2011 годы*. Москва: Дело.

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). *Сочинения* (т. 4). Москва: Госполитиздат.

Сучасний тлумачний словник української мови: 100 000 слів (2009). Харків: Школа.

Терборн, Й. (2015). *Мир: Руководство для начинающих*. Москва: ИД Высшей школы экономики.

Хобсбаум, Э. (2013). Предисловие. В: К. Маркс, Ф. Энгельс, *Манифест Коммунистической партии* (с. 6–28). Москва: Common place.

Apostoaia, M.C. (2011). Measuring Economic Globalization — Facts and Figures. In: *The Annals of The “Stefan cel Mare” University of Suceava. Fascicle of The Faculty of Economics and Public Administration*, 2 (14), 99–109.

Bockman, J. (2015). Socialist Globalization against Capitalist Neocolonialism: The Economic Ideas behind the New International Economic Order. *Humanity*, Spring, 109–128.

Case, A., Deaton, A. (2020). *Deaths of Despair and the Future of Capitalism*. Princeton: Princeton University Press.

Cavanagh, J., Mander, J. (Eds.) (2004). *Alternatives to Economic Globalization [A Better World Is Possible]*. San Francisco, CA: Berrett-Koehler Publishers.

CIA. *The World Factbook* (2016). Retrieved from: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/222.html#US>

Cohen, R., Kennedy, P. (2000). *Global Sociology*. New York: New York University Press.

Collins Cobuild English Dictionary (1997). London: Harper Collins Publishers.

Dearden, N. (2020). *Don't Delay Developing World Debt — Cancel It*. Retrieved from: <https://www.commondreams.org/views/2020/04/27/dont-delay-developing-world-debt-cancel-it>

Development and Globalization: Facts and Figure. UNCTAD (2016). Retrieved from: <https://stats.unctad.org/Dgff2016/DGFF2016.pdf>

Dreher, A., Gaston, N., Martens, P. (2008). *Measuring Globalisation. Gauging Its Consequences*. S.l.: Springer. DOI: 10.1007/978-0-387-74069-0

Eurobarometer standard 69. 2. The Europeans and globalisation (2008). Retrieved from: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb69/eb69_globalisation_en.pdf

Gygli, S., Haelg, F., Potrafke, N., Sturm, J.-E. (2019). The KOF Globalisation Index — revisited. *The Review of International Organizations*, 14, 543–574. Retrieved from: <https://doi.org/10.1007/s11558-019-09357-x>

International Trade Union Confederation Global Poll (2017). Retrieved from: <https://www.ituc-csi.org/ituc-global-poll-2017?lang=en>

Johnson, J. (2019). *World's 500 Richest People Gained \$1.2 Trillion in Wealth in 2019: Analysis*. Retrieved from: https://www.commondreams.org/news/2019/12/27/worlds-500-richest-people-gained-12-trillion-wealth-2019-analysis?cd-origin=rss&utm_term=AO&utm_campaign=Daily%20Newsletter&utm_content

Kentikelenis, A.E., Babb, S. (2019). The Making of Neoliberal Globalization: Norms Substitutions and the Politics of Clandestine Institutional Change. *American Journal of Sociology*, 124 (6), 1720–1762.

KOF Globalisation Index (s.a.). Retrieved from: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html>

Measuring Globalisation: OECD Economic Globalisation Indicators (2010). Retrieved from: <https://doi.org/10.1787/9789264084360-en>

Measuring Globalisation: OECD Handbook on Economic Globalisation Indicators (2005). Retrieved from: <https://doi.org/10.1787/9789264108103-en>

Metcalfe, T., Witzig, J. (2019). *World's Richest Gain \$1.2 Trillion in 2019 as Jeff Bezos Retains Crown*. Retrieved from: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-12-27/world-s-richest-gain-1-2-trillion-as-kylie-baby-sharks-prosper>

Mullard, M. (2004). *The Politics of Globalization and Polarisation*. Cheltenham, UK: Edward Elgar.

Nester, W.R. (2010). *Globalization, Wealth, and Power in the Twenty-first Century*. New York: Palgrave Macmillan.

Raab, M. et al. (2008). GlobalIndex. A Sociological Approach to Globalization Measurement. *International Sociology*, 23 (4), 596–631.

Reich, R. (2019a). *How Trump has betrayed the working class*. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/dec/22/trump-wants-to-be-champion-of-the-working-class-but-with-tax-cuts-for-the-rich-it-doesnt-add-up>

Reich, R. (2019a). *Trump Has One Glaring Weakness*. Retrieved from: <https://www.truthdig.com/articles/robert-reich-trump-has-one-glaring-weakness/>

Romanoff, L. (2019). *The Richest Country's Empty Plates. 50 Million Hungry Americans*. Retrieved from: <https://www.globalresearch.ca/richest-country-empty-plates/5698008?print=1>

Schaeffer, R. (2003). *Understanding Globalization. The Social Consequences of Political, Economic, and Environmental Change*. Maryland: Rowman & Littlefield Publishers.

Stiglitz, J.E., Sen, A., Fitoussi, J.-P. (2009). *Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. Paris: Sorbonne.

Taliano, M. (2020). *Permanent War and Poverty or Widespread Truth Awareness?* Retrieved from: <https://www.globalresearch.ca/permanent-war-poverty-widespread-truth-awareness/5700389>

Tonkiss, F. (2006). *Contemporary Economic Sociology: Globalization, production, inequality*. Abingdon, Oxon: Routledge.

Tonkiss, F. (2012). Economic globalization. In: *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Globalization* / Ed. by G. Ritzer (pp. 604–611). S.l.: Blackwell Publishing Ltd.

Trosic, S.J. (2016). Economic globalization – advantages and disadvantages: The place of Serbia and Japan in the globalized world. In: *Globalized World: Advantage or Disadvantage* (pp. 108–122). Belgrade: Institute of International Politics and Economics; Kyoto: Global Resource Management, Doshisha University; Novi Sad: Mala knjiga.

Получено 24.07.2020

References

Apostoaia, M.C. (2011). Measuring Economic Globalization – Facts and Figures. In: *The Annals of The “Stefan cel Mare” University of Suceava. Fascicle of The Faculty of Economics and Public Administration*, 2 (14), 99–109.

Arseenko, A.G., Maliuk, A.N., Tolstykh, N.V. (2011). *Challenges of Globalization and Ukraine*. [In Ukrainian]. Kyiv: Institute of Sociology, NAS of Ukraine. [= Арсєнко 2011].

Beck, U. *What is Globalization?* (2001). [In Russian]. Moscow: Progress–Tradition. [= Бек 2001].

Bockman, J. (2015). Socialist Globalization against Capitalist Neocolonialism: The Economic Ideas behind the New International Economic Order. *Humanity*, Spring, 109–128.

Case, A., Deaton, A. (2020). *Deaths of Despair and the Future of Capitalism*. Princeton: Princeton University Press.

Cavanagh, J., Mander, J. (Eds.) (2004). *Alternatives to Economic Globalization [A Better World Is Possible]*. San Francisco, CA: Berrett-Koehler Publishers.

CIA. *The World Factbook* (2016). Retrieved from: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/222.html#US>

Cohen, R., Kennedy, P. (2000). *Global Sociology*. New York: New York University Press.

Collins Cobuild English Dictionary (1997). London: Harper Collins Publishers.

Dearden, N. (2020). *Don't Delay Developing World Debt – Cancel It*. Retrieved from: <https://www.commondreams.org/views/2020/04/27/dont-delay-developing-world-debt-cancel-it>

Deliagin, M. G. (2019). *The End of Era: Caution: the doors are opening! Vol. 1: General Theory of Globalization*. [In Russian]. Moscow: IPROG, Book World. [= Делягин 2019].

Development and Globalization: Facts and Figure. UNCTAD (2016). Retrieved from: <https://stats.unctad.org/Dgff2016/DGFF2016.pdf>

Dobrenkov, V.I. (2018). *Globalization: Entity, Manifestations, and Social Consequences*. [In Russian]. Moscow: Akademicheskii prospect. [= Добренъков 2018].

Dobrenkov, V.I., Rakhmanov, A.B. (2014). *The Sociology of Globalization*. [In Russian]. Moscow: Academic Prospect. [= Добренъков 2014].

Dreher, A., Gaston, N., Martens, P. (2008). *Measuring Globalisation. Gauging Its Consequences*. S.l.: Springer. DOI: 10.1007/978-0-387-74069-0

Eurobarometer standard 69. 2. The Europeans and globalisation (2008). Retrieved from: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb69/eb69_globalisation_en.pdf

Gygli, S., Haelg, F., Potrafke, N., Sturm, J.-E. (2019). The KOF Globalisation Index – revisited. *The Review of International Organizations*, 14, 543–574. Retrieved from: <https://doi.org/10.1007/s11558-019-09357-x>

Hobsbawn, E. (2013). Introduction. In: K. Marx, F. Engels, *The Manifest of Communist Party* (pp. 6–28). [In Russian]. Moscow: Common place. [= Хобсбаум 2013].

International Trade Union Confederation Global Poll (2017). Retrieved from: <https://www.ituc-csi.org/ituc-global-poll-2017?lang=en>

Johnson, J. (2019). *World's 500 Richest People Gained \$1.2 Trillion in Wealth in 2019: Analysis*. Retrieved from: https://www.commondreams.org/news/2019/12/27/worlds-500-richest-people-gained-12-trillion-wealth-2019-analysis?cd-origin=rss&utm_term=AO&utm_campaign=Daily%20Newsletter&utm_content

Kentikelenis, A.E., Babb, S. (2019). The Making of Neoliberal Globalization: Norms Substitutions and the Politics of Clandestine Institutional Change. *American Journal of Sociology*, 124 (6), 1720–1762.

KOF Globalisation Index (s.a.). Retrieved from: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html>

Koretskii, V.A., Khalikov, M.S. (2017). *The Sociology of Global Processes*. [In Russian]. Moscow: Akademicheskii prospect. [= Корецкий 2017].

Mann, M. (2018). *The Sources of Social Power. Vol.: 4. Globalizations, 1945–2011*. [In Russian]. Moscow: Dielo. [= Манн 2018].

Marx, K., Engels, F. (1955). *Works* (Vol. 4). Moscow: Gospolitizdat. [= Маркс 1955].

Measuring Globalisation: OECD Economic Globalisation Indicators (2010). Retrieved from: <https://doi.org/10.1787/9789264084360-en>

Measuring Globalisation: OECD Handbook on Economic Globalisation Indicators (2005). Retrieved from: <https://doi.org/10.1787/9789264108103-en>

Metcalfe, T., Witzig, J. (2019). *World's Richest Gain \$1.2 Trillion in 2019 as Jeff Bezos Retains Crown*. Retrieved from: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-12-27/world-s-richest-gain-1-2-trillion-as-kylie-baby-sharks-prosper>

Modern Explanatory Dictionary of Ukrainian Language: 100 000 words (2009). [In Ukrainian]. Kharkiv: Shkola. [= Сучасний тлумачний словник 2009].

Mullard, M. (2004). *The Politics of Globalization and Polarisation*. Cheltenham, UK: Edward Elgar.

Nester, W.R. (2010). *Globalization, Wealth, and Power in the Twenty-first Century*. New York: Palgrave Macmillan.

Raab, M. et al. (2008). GlobalIndex. A Sociological Approach to Globalization Measurement. *International Sociology*, 23 (4), 596–631.

Reich, R. (2019a). *How Trump has betrayed the working class*. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/dec/22/trump-wants-to-be-champion-of-the-working-class-but-with-tax-cuts-for-the-rich-it-doesnt-add-up>

Reich, R. (2019b). *Trump Has One Glaring Weakness*. Retrieved from: <https://www.truthdig.com/articles/robert-reich-trump-has-one-glaring-weakness/>

Romanoff, L. (2019). *The Richest Country's Empty Plates. 50 Million Hungry Americans*. Retrieved from: <https://www.globalresearch.ca/richest-country-empty-plates/5698008?print=1>

Schaeffer, R. (2003). *Understanding Globalization. The Social Consequences of Political, Economic, and Environmental Change*. Maryland: Rowman & Littlefield Publishers.

Stiglitz, J.E., Sen, A., Fitoussi, J.-P. (2009). *Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. Paris: Sorbonne.

Taliano, M. (2020). *Permanent War and Poverty or Widespread Truth Awareness?* Retrieved from: <https://www.globalresearch.ca/permanent-war-poverty-widespread-truth-awareness/5700389>

Therborn, G. (2015). *The World: A Beginner's Guide*. [In Russian]. Moscow: Publishing House of High School of Economics. [= Терборн 2015].

Tonkiss, F. (2006). *Contemporary Economic Sociology: Globalization, production, inequality*. Abingdon, Oxon: Routledge.

Tonkiss, F. (2012). Economic globalization. In: *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Globalization* / Ed. by G. Ritzer (pp. 604–611). S.L.: Blackwell Publishing Ltd.

Trosic, S.J. (2016). Economic globalization – advantages and disadvantages: The place of Serbia and Japan in the globalized world. In: *Globalized World: Advantage or Disadvantage* (pp. 108–122). Belgrade: Institute of International Politics and Economics; Kyoto: Global Resource Management, Doshisha University; Novi Sad: Mala knjiga.

Vladimirov, A.A., Zelenov, L.A., Stepanov, E.I. (2010). *Modern Globalization. State and Perspectives*. [In Russian]. Moscow: LENAND. [= Владимиров 2010].

Weizsacker, E.U. von, Wijkman, A. *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome* (2019). [In Ukrainian]. Kyiv: Summit–Knyha. [= Вайцзекер 2019].

Received 24.07.2020

ТЕТЯНА ПЕТРУШИНА, АНАТОЛІЙ АРСЕЄНКО

Соціологічний вимір економічної глобалізації:

світові тренди та українські реалії

Перша частина.

Теоретичний та емпіричний виміри економічної глобалізації

Глобалізація залишається найпоширенішим і досить суперечливим концептом в сучасному соціальному дискурсі. В межах теоретико-концептуального соціологічного виміру автори проаналізували сутність економічної глобалізації (ЕГ) як її визначального типу. Вони дослідили глобалізацію як об'єктивний процес (насамперед міжнародного поділу праці) та суб'єктивний процес формування глобальної капіталістичної економіки під егідою провідних західних держав, наднаціональних фінансово-економічних установ (насамперед СБ і МВФ) і ТНК. Як головні драйвери глобалізації, вони визначають її форми та напрямки в інтересах "ядра" глобального капіталізму. В межах емпіричного соціологічного виміру ЕГ (що передбачає вимірювання різноманітних проявів як самого процесу ЕГ, так і його соціальних наслідків) особливу увагу автори приділили аналізу соціальних змін в українському суспільстві. На думку авторів, капіталізація вітчизняної економіки, що відбувалася паралельно із залученням України до глобального економічного простору, призвела до деградації народногo господарства, значного погіршення життєвого рівня більшості громадян, створення антисоціальної держави, атрибутом якої стала системна криза. Для доказу цих висновків автори на підставі вивчення численних вітчизняних та іноземних джерел проаналізували динаміку головних макроекономічних і соціологічних показників життя українського суспільства майже за 30 років дрейфу на узбіччя глобального капіталістичного світу. Автори зосередилися на дослідженні восьми принципових напрямів соціальних змін: деіндустріалізації економіки, її глобальної конкурентоспроможності та інноваційності, динаміки ВВП, зайнятості, доходів і добробуту населення, соціально-економічної нерівності, боргової залежності та деградації української науки.

Проведений аналіз показує необхідність відмови від неоліберальної парадигми розвитку і пошуку альтернативних, більш справедливих моделей ЕГ.

Ключові слова: економічна глобалізація, драйвери економічної глобалізації, соціологічний вимір глобалізації, соціальні зміни, українське суспільство

ТАТЬЯНА ПЕТРУШИНА, АНАТОЛИЙ АРСЕЕНКО

Социологическое измерение экономической глобализации: мировые тренды и украинские реалии

Первая часть.

Теоретическое и эмпирическое измерения экономической глобализации

Глобализация остается наиболее распространенным и довольно противоречивым концептом в современном социальном дискурсе. В рамках теоретико-концептуального социологического измерения авторы проанализировали сущность экономической глобализации (ЭГ) как ее определяющего вида. Они исследовали глобализацию как объективный процесс (в первую очередь международного разделения труда) и субъективный процесс формирования глобальной капиталистической экономики под эгидой ведущих западных государств, наднациональных финансово-экономических учреждений (прежде всего ВБ и МВФ) и ТНК. Как главные драйверы глобализации, они определяют ее формы и направления в интересах “ядра” глобального капитализма. В рамках эмпирического социологического измерения ЭГ (который предполагает измерение различных проявлений как самого процесса ЭГ, так и его социальных последствий) особое внимание авторы уделили анализу социальных изменений в украинском обществе. По мнению авторов, капитализация отечественной экономики, которая проходила параллельно с вхождением Украины в глобальное экономическое пространство, привела к деградации народного хозяйства, значительному ухудшению жизненного уровня большинства граждан, созданию антисоциального государства, атрибутом которого стал системный кризис. Для доказательства этих выводов авторы на основании изучения многочисленных отечественных и иностранных источников проанализировали динамику основных макроэкономических и социологических показателей жизни украинского общества почти за 30 лет дрейфа на обочину глобального капиталистического мира. Авторы сосредоточились на исследовании восьми принципиальных направлений социальных изменений: деиндустриализации экономики, ее глобальной конкурентоспособности и инновационности, динамики ВВП, занятости, доходов и благосостояния населения, социально-экономического неравенства, долговой зависимости и деградации украинской науки. Проведенный анализ показывает необходимость отказа от неоліберальної парадигми розвитку і пошуку альтернативних, більш справедливих моделей ЕГ.

Ключевые слова: экономическая глобализация, драйверы экономической глобализации, социологическое измерение глобализации, социальные изменения, украинское общество

TETIANA PETRUSHYNA, ANATOLII ARSEIENKO

Sociological dimension of economic globalization: world trends and Ukrainian realities

First part. Theoretical and empirical dimensions of economic globalization

Globalization remains the most common and quite controversial concept in modern social discourse. Within the theoretical and conceptual sociological dimension, the authors analyzed the essence of economic globalization (EG) as its defining type. They studied globalization as an objective process (first of all, the international division of labour) and the subjective process of

forming a global capitalist economy under the auspices of leading Western countries, supranational financial and economic institutions (primarily the World Bank and the IMF), TNCs. As the main drivers of globalization, they determine its forms and directions in the interests of the “core” of global capitalism. Within the empirical sociological dimension of EG (which involves measuring the various manifestations of the EG process itself as well as its social consequences), the authors paid particular attention to the analysis of social changes in Ukrainian society. The capitalization of the Ukrainian economy, which took place in parallel with Ukraine’s entry into the global economic space, led to degradation of the national economy, significant deterioration of living standards of most citizens, creation of anti-social state with the systemic crisis as its main attribute. To prove these conclusions, the authors analyzed the dynamics of the principal macro-economic and sociological indicators of Ukrainian society’s life for almost 30 years of drift to the roadside of the global capitalist world, based on the study of numerous domestic and foreign sources. The authors focused on the research of eight critical areas of social changes: deindustrialization of the economy, global competitiveness and innovation, GDP dynamics, employment, income and welfare of the population, socioeconomic inequality, debt dependence and degradation of Ukrainian science. The analysis shows the need to abandon the neoliberal paradigm of development and search for the alternative, more fair models of EG.

Key words: *economic globalization, drivers of economic globalization, sociological dimension of globalization, social changes, Ukrainian society*